

Валерий Тимофеев

Волшебник из третьего "Г"

книга 3. Летние приключения

Валерий Тимофеев

**Волшебник из третьего «Г».
Книга 3. Летние приключения**

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Волшебник из третьего «г». Книга 3. Летние приключения /
В. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833922-6

Третья книга романа-сказки. Летом в лагере не только отдых и игра «Зарница». Посланники короля Филинов и здесь не прекращают поиски и преследования похитителя их волшебной силы. Старинная крепость из легенды тысячи лет считалась потерянной навсегда. И если бы не волшебная сила, может, и не увидели бы ее мальчишки.

ISBN 978-5-44-833922-6

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Табунщик	6
Глава 2 Зарница	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Волшебник из третьего «г»
Книга 3. Летние приключения
Валерий Тимофеев

© Валерий Тимофеев, 2016

ISBN 978-5-4483-3922-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Табунщик

Дни в пионерском лагере летят – не догонишь. Каждый час расписан – то линейка, то бассейн, то поход в лес. Словно кто-то специально сидел и придумывал: чем бы еще занять ребят, чтобы они не оставались без присмотра ни единой минуты, были организованы по всем правилам (кем установленным?) пионерского отдыха и так уставали от всевозможных мероприятий, смотров, дежурств и обязательных игр, что сон наступал бы их за минуту до того момента, когда они свалятся в постели.

Очень скоро забылось, что совсем недавно эти же самые воспитатели жили в этих же самых дачах, больше отдыхали, чем умучивались и, надрывая глотки, пели любимую лагерную песню ребят всех поколений:

*Спать, спать по палатам
Пионерам и вожатым.
Пионеры спать не хотят,
А вожатые гогочут..*

Незаметно то, что именовалось отдыхом в пионерском лагере и было прежде достоянием большинства, нынче стало доступно только самым отчаянным и старожилам. Эти в любые времена отдыхают в свое удовольствие, как тот кот, который всегда и во всем сам по себе и ходит туда, куда глаз посмотрит.

Не успели оглянуться – неделя позади. А кажется, только вчера приехали и шумной гурьбой прошли с рюкзаками и чемоданами по асфальтированным дорожкам к дачам. Тут же на ходу и познакомились, и делились планами.

Пятнадцатому отряду, в который распределили Коську и Вадика, выделили второй этаж только что отремонтированной дачи. В громадных палатах еще не выветрился запах краски, на выбеленных стенах еще ни одной надписи, ни одного рисунка, не весь мусор убран с газонов – оставлен для растаскивания ребятами, а дождь не успел еще смыть с дорожек белоснежные набрызги извести.

Вадик бывал в этом лагере в прошлом году, потому распоряжался по-хозяйски. Он заранее выведал, в какой палате будут жить мальчики, схватил Коську за руку и друзья заняли самые лучшие места – у окна.

Дача стояла на пригорке, в каком-нибудь десятке метров от забора. Узкая тропинка в россыпи опавших иголок – колючих сосновых и бархатисто-мягких лиственных – змейкой петляла между стволов и корней, выводила к вертушке, а там лес на много километров в любую сторону. И горы, и ручейки, и ключик с такой вкусной и холодной водой, что в городе и за деньги не купишь.

Вадик будет каждое утро приносить ее в графинчике и угощать ребят.

– От этой воды силы вдесятеро прибывают. Она из сердца гор течет, – говорит всем Вадик. Но не он придумал такие слова. Так им рассказывали в прошлом году.

Если забраться на крышу дачи, можно увидеть весь лагерь. Правда тоже только крыши, остальное прячут деревья. Но все равно красиво. А если долго-долго ждать, можно дожидаться и тогда увидишь, как в распадке между гор проскакивают почти игрушечные вагоны пассажирского или товарного поезда.

Там, за горой станция. Но до нее далеко. Два часа идти мимо пастбища, фермы и какого-то цеха, возле которого на траве сушатся овечьи шкуры и кисло пахнет кожей. А люди в том цехе работают по пояс голыми, в грубых брезентовых фартуках и в резиновых сапогах даже в самую звенящую жару и в лютый январский мороз.

С фермы в лагерь привозят молоко в мятых алюминиевых флягах. А начальнику лагеря старый табунщик Дядя Рифкат каждый вечер доставляет кумыс в кожаном мешке – бурдюке. Владимир Петрович за кумыс разрешает увозить от столовой бачки с отходами – любимая еда свиней. Все довольны. И дядя Рифкат доволен, и Владимир Петрович доволен. Они всегда здороваются за руку. Как старые друзья. Поздороваются, немного поговорят о том о сем, и опять расходятся каждый по своим делам.

Ребята тоже любят дядю Рифката. Он добрый. Всех посадит в телегу – только попросись. У него в табуне много коней, наверное, целая тысяча. Или еще больше. И маленькие ручные жеребята на тоненьких ножках. Они берут из рук свежую траву и корочки хлеба, мягко касаются влажными губами ладоней, фыркают и благодарно смотрят в глаза. А шерсть у них как бархат! Дышит под рукой и переливается на солнце.

Еще дядя Рифкат любит петь песни. Вечером он сидит около костра, подбрасывает сухие ветки в огонь и тянет нескончаемую песню на своем родном языке. Ничего не понятно. Но язык и мелодия очень красивые, чем-то неуловимо похожие на горы и цветы, на жеребят и костер. Слушать можно хоть до утра. Но до утра нельзя. В лагере отбой в десять часов. И табунщик прощается с ребятами, жмет всем руки, как жмет и начальнику лагеря – серьезно, уважительно, и обязательно говорит:

- Расти большим и смелым.
- Мы завтра придем, – предупреждают ребята.
- А как же, обязательно придете, – соглашается дядя Рифкат. – Мне хорошо рядом с вами.
- И нам хорошо рядом с вами.

Дядя Рифкат совсем старик. Ему много лет. От ветра и солнца лицо его потемнело, кожа как земля в засушливое лето, потрескалось и сморщилось. На голове редкие седые волосы выбиваются из-под шапки-ушанки. Редкая и тоже седая борода клинышком. Ходит он в вышитой кацавейке, в широких шароварах, заправленных в яловые сапоги без каблучков. Они очень удобные – и ноге легко, и для здоровья полезно.

Вопросов у мальчишек – только успевай поворачивайся!

– Дядя Рифкат, ты на войне был?

Этот вопрос у ребят самый любимый. Каждый год, в каждой смене задают его десятки раз.

- Нет, малай, – качает табунщик головой, – не был мой на войне.
- Маленький был, да?
- Зачем маленький? – переспрашивает дядя Рифкат. – Совсем большой был.
- Как мы или как кто?
- Как начальник лагеря, – объясняет табунщик. Для ребят лучшего объяснения не надо – сразу понятно.

- Такой большой был и на войну не ходил?
- Не всех пускали, – вздыхает дядя Рифкат, задумываясь о чем-то своем.
- Я бы убежал!
- Убегать нельзя. Убегать плохо – тюрьма попадешь. На войну не попадешь.
- Надо было проситься сильнее – я бы каждый день ходил, надоедал бы им.
- Мой всяко просился.

Дядя Рифкат оправдывался перед мальчишками, словно смывал с себя несуществующую вину перед теми, кто смог добиться отправки на фронт и остался на поле боя. А мальчишки олицетворение тех солдат. Как бы сделать так, чтобы сейчас его слышали все люди и все бы поняли – нет вины и никогда не было.

– Я тоже ходил, тоже надоедал. А один большой начальник говорил так. «Войне много коней надо. Ты воевать пойдешь. Сербай вон просится, тоже воевать пойдет. А кто табун пасти будет? Нет, Рифкат, не пушу тебя. Не ходи больше, не снашивай понапрасну сапог. Эта война

без тебя обойдется. Солдат у России много есть. Ты у меня один. И Сербай у меня один. Вы при конях останетесь. Здесь будет ваша линия фронта.» Вот так этот большой начальник сказал.

Старику, видимо, очень нравилось это слово – большой. Произносил он его в растяжку, с уважением.

– Тоже мне – линия фронта! Коней пасти. А зачем на войне кони? Мы что, при царе Горохе живем? Давно танки и машины воюют!

– А, малай! Неправда твоя, – покачал табунщик головой. – Без коня всегда на войне худо. Танк сломался, машина застрял. Кто хлеб солдату привезет? Кто по грязи снаряды к пушке доставит? Сам он, по-твоему, прискачет? То-то! Война конь шибко любит. Самый надежный друг.

– А дети есть у вас?

– Дети? – Старик смотрит на огонь. И взгляд его, и мысли где-то далеко. – Детей много был. Сейчас совсем мало остался. Кого война взял, кого голод взял.

– Какая война?

– Обычная. Войн много всяких. Газеты пишут – нет войны. Все так и думают – нет войны. А война всегда есть.

– А мало – это сколько?

– Совсем один остался. Талгат. Ба-альшой начальник. Директор школы работает. Школа ба-альшой такой. В два этажа! Кирпичный школа, не деревянный! В самом райцентре, – с гордостью поведал старик.

О чем много рассказывать? На руках да на лице вся нелегкая жизнь как на листе бумаги расписана. И затягивает дядя Рифкат свою бесконечную песню. Затихли и слушают ее горы, табун, первая вечерняя звездочка в небе.

– Непонятны слова у твоей песни, старик. О чем она?

– О чем, спрашиваешь? О моей земле. Вижу, какая она красивая и щедрая. Здесь, – показывает он вдаль, – всем хватит места. И табуну быстрых коней, и стаду коров, и отаре овец. И любому дереву, и любой травинке. Человек гордый слишком. Человеку надо у земли учиться. Она всех одинаково любит – башкирина и русского, казаха и татарина. Ей все равно, на каком языке ты свои песни поешь, какому Богу поклоняешься. Для земли есть человек. Все люди должны быть человеками. Вот об этом я пою. А еще пою о горах. О красавице Зухре.

– Это ваша жена?

– Нет, малай, – лицо старика грустнеет.

– А кто она?

– Вы разве не знаете?

– Не знаем.

– Тогда слушать будете.

Дядя Рифкат подкинул веток в огонь. Пламя потрогало их, лизнуло желто-красными языками и, довольное, начало с треском пожирать. Темнота сгустилась, подступила ближе к костру. В паузу вкралась напряженная тишина, которая делала ожидание еще более трепетным. А старик, зная волшебную силу этих минут, оттягивал начало рассказа. Скучно не будет. У костра не заскучаешь – смотри на язычки огня, они мысли хороводят, настроение умиротворяют.

– Когда я маленьким был, – начал дядя Рифкат, – таким, как вы сейчас, прадедушка рассказывал мне историю, которую слышал он от своего прадедушки, а тот от своего. Вот какая старая она! Как земля, как горы старая. Что в ней правдой осталось, что выдумкой обросло, про то не мне судить, про то каждый сам думай. Я вам говорю так, как сам слышал.

Земля наша одному баю принадлежала. Богатый хозяин был! Три дня скачи на быстром коне – и тогда не объедешь его владений. Табуны у него – самых ученых мужей из столиц приглашали считать. Руками разводили, числа такого в те годы не было придумано. Так и записывали в книгах – «видимо-невидимо».

За весной лето идет, люди с табунами кочуют по степям да горам, а бай в каменном доме за высоким забором живет. Он богатством своим хвастать в русские земли не раз ездил, насмотрелся на иную жизнь, мастеров привез, они ему понастроили городских хором-домов каменных с колонами, с куполами, да с каменными статуями зверей диковинных. При хоромаш своих приказал поставить домов попроще, числом побольше – слуг там поселил. И город высокой стеной окружил. Настоящая крепость: и светлицы, и темницы, и склады – на много годов провианта напасено. Даже пушечки по стенам расставлены. От кого прятаться-хорониться? Табунщики – народ мирный. Войны в наши края не заходили никогда. Что им у нас воевать? Золота люди не копили. Дорогих одежд не копили. Все богатство – дети да конь. Такое богатство даром отдавай, не каждый возьмет.

Чужак в нашу землю гостем приходил – его жизнь святой почиталась. Бай зло посеял. Зло-то оно от злата... А тут еще одна беда. Мастеров, что крепость построили, приказал бай жизни лишить. Много тайных комнат да ходов в той крепости было. Один хотел о них знать. Не для хорошего дела их задумал. Кабы не так – зачем прятать?

Росли у бая три дочери, три красавицы. Юность сама по себе красива. А эти... Кто видел их, тяжело вздыхал. Смотреть на них – глаз не отвести. Но знали крутой характер бая – никому не быть женихом. Не захочет бай с неравным родниться.

Луна с солнцем, зима с летом быстро сменяют друг друга. Выросли дочери. Старшая уже замуж вышла, средняя на выданьи. А бай все женихов выбирает, знатных да богатых выискивает. Только равных ему во всей вселенной нелегко сыскать. Рыскал по земле черным коршуном, искал царей ли запропавших, на золото его зарывшихся, принцев ли неразумных. Да они на дорогах не валяются.

Между старшими сестрами злоба да подозрительность корни глубокие пустили. Только младшенькая, Зухра, беззаботно жила, о женихах не горевала. Мала еще. Да и попроще сестер удалась. Как птичка по лугам летала, песни не пела – соловушкой заливалась. В долгие вечера с табунщиками у костров сказки слушала. Присмотру за ней почитай и не было. Младшенькая в семье всегда за маленькую почитается. Пуцай, мол, побегаешь, поиграешься. А ей в ту пору уже четырнадцать годков минуло. С виду дитя малое, а сердце не по годам удалось – на доброе слово да на красоту очень отзывчивое.

Увидела джигита, влюбилась в него. Ни о ком думать не хочет. Все мысли, сердце, песни одному ему отдает.

Она дочь бая, ей проще. Любит – не таится.

Джигит не меньшим огнем горит. А показать нельзя: враз от любимой отлучат. Хорошо, если на дальнее пастбище сошлют. Скорее в подземелье упрячут и, как в воду канул, ни следа, ни весточки.

Многие дорогой такой прошли.

Баю няньки доносили – он отмахивался: дитя малое что куст, что жеребеночка, что молодого джигита – одной любовью любит, выделять никого не выделяет. Стоит ли раньше времени тревогу бить?

Вода камень точит.

Сестры без женихов мхом обрастают, злобой полнятся. Черная зависть поедом заедает. А тут еще Зухра – наивное дитя – возьми да расскажи сестрам о любви своей, о свиданиях тайных да поцелуях жарких. Пуцте жала слова ее для сердец лютых. И с утра до вечера шипят они баю в оба уха, позором пугают.

– Не позволю с нищим родниться! – сердится бай, ноженьками топчет, кулачками воздух потрясает. – В темный чулан запрешь вас, окающих!

А Зухра как не слышит запретов. Младшенькая и есть младшенькая. Ручками шею отца обоймет, к щеке его прижмется и соловьем смех рассыплет.

– Ты же любишь меня, отец, – шепчет ласково.

– Да люблю! Больше всех люблю! С тобою все надежды связывал, – воском становится бай, – а теперь?

– А теперь ты губишь меня, – говорит Зухра. – Дай мне детство свое догулять, последние годки по лугам отбегать. Успею еще скуке да злу сестринскому обучиться.

– Ой, доченька. Какими глазами ты мир видишь?

– Такими глазами, которые не лгут, белое от черного различать не разучились. Любовь твоя ко мне смертью оборачивается. Или ты не понимаешь этого, отец?

– Понимаю, доченька. Да и ты отцовское сердце пойми.

– Знай же, отец. Где бы я ни была – если его не будет в живых, и меня не будет. Что хочешь, то со мной и делай. А я свое слово сказала.

Отстал бай, призадумался.

А Зухра вновь коротает долгие вечера у костров под звездным небом.

Любила она отца, почитала. Тогда все дети родителей почитали. Но табунщика, зная, больше любила. Думала за шутками да смехом укрыться от строгостей баевых. Да просчиталась. Молодость и мудрость по разные стороны реки живут. Юность прятаться не умеет.

Няньки ли постарались, завистливые ли сестры выследили, только подгадали, когда с любимым вдвоем у костра звезды считали. Тайком привели бая.

Отступать дале некуда.

От гнева байского горы проснулись, ручьи остановились, деревья до земли ветви склонили.

Приказал бай джигита связать и табун лошадей по нему прогнать. А Зухру повелел в сундук упрянуть да темной ночью с самой высокой горы сбросить.

Черной ночью вершилось черное дело.

Подхватили сестры сундук и в горы понесли.

Ветер спал в горах – здесь его ночь застала.

Не заметили сестры, разбудили ветер.

Проснулся он, огляделся – видит – недоброе замышляется. За любовь жизни лишают.

Налетел, разметал сестер в разные стороны, а сундук с собой унес, на самую высокую вершину поставил. Это для того, чтобы табунщик, если он жив остался, увидел свою любимую и за ней пришел.

Гора с тех пор в народе Сундуком зовется.

Старших сестер за характер злой ветер покарал – тоже в горы превратил. Далеко стоят, до Сундука никогда не дойдут.

И бая покарал. Голову сорвал, наугад забросил. Гора Лысая – это голова бая. На вершине три дерева растут, корнями голову век от века мучают. Не иди против любви – она жизни засохнуть не позволяет.

Вот такая история, малай.

– А Зухра где, дядя Рифкат?

– Зухра? Утром отыскиали люди сундук, открыли его, а оттуда ночная птица вылетела. Как она в сундук попала? А Зухры так и не нашли. Только шарфик ее на дне сундука остался.

– Может это она птицей обернулась?

– Может и она, – легко согласился табунщик.

– А больше ничего о ней не слышали?

– Как не слышать? Много слышали.

– Ой, дядя Рифкат, доскажи!

– Крепость бая опустела. Птицы, звери, люди дорогу туда забыли. Сказывали, но это уже позже добавлялось – поселилась там Зухра. И сейчас там живет. Но увидеть ее никому не дано. Шибко осерчала на людей.

Я по молодости искал крепость. Любопытство одолевало – что же бай в тайных комнатах прятал? Какие богатства, какие небылицы там живут? Многие искали. Но где там! Разве найдешь... Ни следа, ни коня – ничего не осталось. Как в воду кануло. Время все себе забрало. Да и Зухра надежно свое убежище охраняет.

– А вдруг не она это?

– Она. Кто же еще может быть? Далеко не ушла от того места, где любимого загубили. Рядом живет. Где? Никто не знает. А только помогает людям шибко.

– Как?

– Конь ли, корова ли заболеют, к ней идут. Пропадут – и не ищи. А как выздоровеют, сама к дому приведет. Кто в лесу заблудится, Зухра дорогу укажет: впереди идет, песню поет – иди на голос, ближней дорогой до дома доведет. А кто близко к ее владениям поступится – того усыпит. Очнется он далеко от того места, где уснул. И дороги не помнит, и сам себя не помнит. Вот такие дела.

– А в какой стороне крепость?

– Разве кто знает? Может в той, а может в этой. Солнце не знает. Луна не знает. Ветер не знает. А если и знают – не говорят. И правильно делают. Не место там людям.

– Легенда, – с нотой пренебрежения к рассказу, заявил Вадик, когда старый табунщик замолчал.

– Может и легенда, – согласился дядя Рифкат. – Гора Сундук вон стоит – легенда. Гора Лысая к ней тянется – тоже легенда. Две Сестры – легенда? Ты в школе учишься, умные книжки читаешь. Ты все знаешь. Мой сын тоже шибко умный, тоже все знает. И почему ветер дует, и почему гром гремит. Старый Рифкат в школе не учился. Рифкат с малолетства коней пас. Сейчас совсем глупый стал. Скоро и про меня скажут – не правда, не было Рифката. Легенда была, а Рифката не было.

Коська увидел – обиделся табунщик, не понял слов Вадика.

– Легенда – это правда, дядя Рифкат, – пояснил он. – Только в нее годами немного сказки добавлено. Не для врак, для красоты.

– Для красоты? Красота сама по себе живет. К ней ничего добавлять не надо, – сказал дядя Рифкат.

И затянул свою бесконечную песню.

Глава 2 Зарница

Все правильно. Для Вадика рассказ дяди Рифката всего лишь красивая сказочка, легенда – ни больше ни меньше. Так он пренебрежительно выразился по дороге в лагерь. Его можно понять. За названием любой горы, речки или родника стоит своя история. И чем старее название, тем сказочнее рассказ о его происхождении. Но ведь никто никого не неволит. Хочешь, принимай за веру все как есть, а хочешь, делай как сделал Вадик: послушал, покивал головой и забыл. Только и сказал позевывая:

– Монастыри... сестры... ветер – выдумки все это.

По отлогому склону горы они приближались к боковым воротам лагеря. Справа внизу ручей журчит – в темноте особенно четко всплески слышны. А воды не видно – сплошной вал из черемуховых и ивовых зарослей черной змеей ползет. Слева к тропинке сосны подступают. А в сотне шагов разливают свет фонари.

Коська слышит усмешливые слова Вадика. Надо бы ответить – легче в темноте с разговорами идти. Но что-то удерживает его.

– Выдумки, – неожиданно раздается Коськин голос.

Коська даже присел от неожиданности. Что за чушь? Кто говорит за него? Ведь Коська и рта не раскрывал!

Вадик шел первым. Он ничего не заметил.

– Нечего голову засорять, – разошелся он от поддержки.

– Нечего, – успокоил его голос, еще больше изумляя Коську, ночь, темнотища, лес и голос, который поддается под тебя.

Вышли под фонари и Коська успокоился. Оглянулся, так, на всякий случай – никого. «Поблазнилось», – пришла успокаивающая мысль. А Вадик не унимался.

– Все слушать, да все запоминать – никаких мозгов не хватит. Мне еще вон сколько жить! – затихал он.

Вадика проще. Его эта история мало касается. Другое дело Коська. Во-первых, о мозгах. Он знает – это еще папа говорил! – мозгов хватит на все. Хоть тысячу лет учись и сплошь в институтах или университетах, все равно мозги до предела не забьешь. Но не это сейчас самое главное.

А главное вот что.

При первых же словах табунщика Коське словно на ухо кто шепнул: – «Слушай!» Он даже огляделся – не Пират ли опять предупреждает? Но Пират дома остался. Здесь ему ну просто никаким чудом невозможно быть. И все равно, повинаясь этому неизвестно откуда выплывшему шепоту, Коська добросовестно постарался не пропустить ни одного слова. Мало того, уже ночью, в даче, когда спали и воспитанники и воспитатели, мальчик пробрался в кладовку, устроил из чемоданов и рюкзаков походные столы и стул, и при свете фонарика записал в тетрадь историю бая и трех его дочерей.

И долго еще не мог уснуть, перечитывал, надеясь открыть для себя в уже знакомом до запятых тексте новое. Какой-то червячок шевелился внутри, не давал мыслям расползаться в разные стороны, крепко держал их в плену.росло в Коське убеждение – не случайно, ох не случайно выплыла в его лагерной жизни эта древняя легенда.

«Может еще раз послушать рассказ табунщика?»

С этой мыслью уснул мальчик прямо в кладовке.

Батарейки устали, выдохлись. Конус света поблек, пожелтел и, наконец, дошел до того, что уместился в пространстве под стеклянным колпачком. На большее у него не оставалось сил.

Взглянешь со стороны глазами, привыкшими в темноте – светлячок освещает какое-то жуткое подземелье. А в его чреве в вечном заточении – юный пленник.

Потеряв счет дням и ночам, забылся коротким тревожным сном над истлевшими страницами исповеди...

Проснулся Коська с первыми звуками горна. И хорошо. А то бы устроил вожатым несколько тревожных минут. Попробуй, найди его в какой-то пыльной кладовке?

Сон не принес облегчения. В голове мешанина. Что делать?

Окончательное решение пришло к нему, когда отряд строем шел в столовую. В такие минуты, Коська уже заметил, почему-то легко думается. Иди себе левой-правой, левой-правой. Все вперед, и ты вперед. Все встали, и ты встал. Все запели, и ты запел. Чисто механически. Голова же на все сто свободна для мыслительного труда. И труд на удивление плодотворен.

«Не стоит одного человека много раз об одном и том же расспрашивать. Тем более не очевидца. Если он и скажет новое, это будут малозначительные детали. Дядя Рифкат сотни раз эту легенду ребятам из лагеря повторял. И пять лет назад. И в прошлом году. Да и нынче не одному расскажет. Как он спросил?

«А вы разве не знаете?»

Да еще и удивился! Он ее наизусть, как таблицу умножения шпарит! Нет, я должен найти тех, кто слышал легенду не от дяди Рифката, а от своих прабабушек и прадедушек. Вот тогда и будет настоящее расследование. А так...

Легенда, как и анекдот, после каждого человека меняется, – или новым обрastaет, или беднее становится. Порой на перемене одному расскажешь, через урок к тебе вернется, пройдя весь класс, послушаешь – волосы дыбом встают. Настоящий «глухой телефон» в действии.

Когда находишь подходящее решение, на душе сразу спокойнее становится, как будто уже выполнил все, что задумал. Такая непробиваемая уверенность появляется! Хоть песни пой.левой-правой, левой-правой! Да хоть на край света! Всем отрядом ничего не испугаемся. И пусть половина отряда – девчонки с косичками и в юбках. Ерунда! Некоторые из них похлеще мальчишек – и в футбол, и дерутся классно.

После завтрака отряд увел Юра Соловей. Юра – студент. В лагере он отвечает за военно-спортивные игры. То есть за «Зарницу». Он уже в армии отслужил, много всяких приемчиков знает. И еще имеет спортивный разряд по скалолазанию. Даже на Памире был! И не зазнается, как некоторые. Все к нему как к старшему брату относятся.

В Синем Логу объявили привал. Ребята поползли по траве – щавеляросло – видимо-невидимо. Горстями рвать можно, косой косить! А Юра присел на пригорке спиной к изогнутой березе и развернул карту.

Две ночи ее рисовал.

– Сегодня проведем рекогносцировку, – пообещал он.

– Кого проведем? – незнакомое слово на мгновение оторвало ребят от щавеля.

– Ознакомимся с местом будущего сражения, – расшифровал Юра.

– Так бы и говорили!

– Он так и говорил! – встал на защиту вожатого Вадик. – Это ты из манной каши не вырос.

– Сам не вырос!

Но ссоре разогреться не дали.

– Наелись? – громко спросил Юра.

– Угу, – послышалось со всех сторон, но никто не спешил подойти к вожатому.

– Кто хочет проиграть «красным», может продолжать откорм. А жаждающих победы я призываю в свои ряды!

Юра хитрый. Не зря видать их в институтах учат. Кому охота проигрывать? Конечно никому. Без окриков и приказов отряд в полном составе слушал вожатого.

– Место нашего отряда здесь, – показал он сначала по карте, а затем и на местности. – «Красные» располагаются в этом подлеске...

И до обеда «зеленые» терпеливо ползали по-пластунски, учились снимать часового, кричать филином и разворачиваться в цепь.

Как время пролетело и не заметили. Только в столовую неслись – пятки сверкали.

А после обеда – сюрприз. Сончас отменяется! Приказ начальника лагеря. Всем отрядам заняться приготовлением военной формы. Сделать из цветной бумаги и пришить погоны, значки отличия и лампасы. Нынче первый раз в сражении участвует казачья сотня. Им в совхозе коней выделили.

Во всем лагере непривычная тишина и порядок. Никаких празноболтающихся. Все заняты экипировкой. И самые старшие, и самые младшие.

Ужин и отбой рано. Дежурные получили «сухой паек», горнист протрубил свое любимое «спать, спать по палатам...» Но в палатах еще долго шушукаются. Шушукаться можно. Шушукаться – никому не мешаешь. Кто хочет, спит. Это тебе не смех или драка на подушках. Тут попробуй, усни, когда или подушкой по голове врежут, или ногой на живот наступят.

Ребята понимают – не выспишься перед сражением, утром тебя запросто победят, и пикнуть не успеешь. А выспаться всякому свое время нужно. Одни как сони – спят, спят и никак не проснутся. А другие как жаворонки, – и не спал почти ничего, а бодрый, как стеклышко.

Интересно, что в запечатанных конвертах? Их на вечерней линейке вожатым выдали. И приказали «вскрыть при объявлении тревоги». Вообще-то можно догадаться, что там. Но знать наверняка еще лучше. Все спят, а ты знаешь и готовишься. А тут тревога. Вскочили, что к чему? – не поймут. А ты – р-раз! и готово, и победил.

Это, конечно, не честно, и делать так никто не собирается. Просто очень хочется победить, вот и лезет в голову всякая чепуха.

У Коськи с Вадиком зеленые погоны. Они разведчики, глаза и уши армии. Коська не отстанет от Вадика. Вадик все вокруг знает. Он любит бродить по лесу и легко запоминает приметы. Как настоящий следопыт из романа Фенимора Купера.

По муравейнику и по веткам на деревьях запросто стороны света определяет. Глянет на след и скажет, кто и когда здесь прошел. И даже в какую сторону и торопился или спокойно шествовал! Лечебные травы собирает, сушит как положено в тени и к каждому пучку тряпочку с названием привязывает. Коська только некоторые запомнил, которые и запоминать не надо – сами в голову залезли, и не выцарапаешь: зверобой, борец, бессмертник, иван-чай. И еще всякие другие.

Коська помогает Вадиду травы собирать, а за это друг обещал в городе каждый пучок пополам разделить, чтобы всю долгую зиму настоящий русский чай пить и о лете вспоминать.

Подняли по тревоге в четыре часа утра.

Как в настоящую войну.

Оказывается, в июне, в четыре утра уже совсем светло, а мы спим себе спокойно и не подозреваем, что день давно наступил.

Тихо.

Даже шум спит.

И шаги какие-то не такие, как днем, полуслышные. Легко продвигаться и не шуметь. Это роса увлажнила землю и травы, сделала их молчаливее.

– Первое отделение охраняет верхушку, – передается по рядам приказ. – В лагерь пропускать только своих.

– Второе отделение охраняет родник. Вода на войне – самое стратегическое после снарядов дело.

– Третье отделение – разведчики – за мной.

Трава мокрая. Идти по тропинке опасно – засекут. А на траве каждый шаг как на свежем снегу отпечатывается. Но медлить нельзя. В штабе ждут самых подробных сведений.

– Россыпью по лесу! – командует Юра. – Больше петлять. Ориентир – Волчий Зуб. Все знаете?

– Знаем!

– Вперед!

Пока добрались до выросшего из земли камня, промокли насквозь. В обуви вода хлупает, словно не по траве, а по болоту бежали.

– Куда дальше?

– Наверху есть площадка, – подсказывает Вадик. – С нее весь Синий Лог как на ладони увидим.

– Это нам подходит, – соглашается Юра.

Даже интересно найти такое место, с которого ты все видишь, а тебя – никто. И не подозревают, что ты вообще есть. Идет сражение, противник голову ломает, придумывает разные хитрости, чтобы твоих победить. А ты лежишь животом на холодных камнях и следишь за каждым его шагом. Он хитрость – а ему в ответ – на, получай! Знаем мы все твои хитрости! В стане противника растерянность. От растерянности до поражения – один шаг. Вот какая сила в разведке! Вадик верно про площадку сказал – все как на ладони.

И у «красных» и у «зеленых» одинаковые задачи. Надо пройти каждому своим маршрутом через горные вершины, устроить привал. А к полудню выйти на место генерального сражения. Главная же задача – захватить штаб противника и его флаг.

Проще простого, но только на первый взгляд. Правила игры жестокие. Зацепили из водяного пистолета – убит. Шишкой крашеной попали – это граната! – тоже убит. Повалили – пленный. А заляпали – раненый – прямым ходом попадаешь в руки медсестер, а потом в медсанбат. И не трепыхайся, не то из игры вылетишь.

– Видишь, где «красные» готовят место для своего штаба? – шепчет Юра, хотя можно кричать, все равно не услышат.

– Почему они в горы не ушли со всеми? – Вадик в недоумении. – Наш штаб в дороге, а они сидят, сухой паек отоваривают.

– Перехитрить решили. Пусть, мол, другие по горам побегают, а мы полежим, позагорим!

– Пожалуй, так, – соглашается Юра.

Он пишет в блокноте донесение. Через две минуты первый посыльный унесет в центральный штаб первое разведдонесение, в котором Юра, кроме сведений о «красных», подумав, сделал маленькую приписку.

– Принесешь ответ, – приказывает он. И вновь располагается на наблюдательном пункте. Он так сосредоточенно разглядывает одно место, что ребятам кажется – уснул вожатый. У них от нетерпения зуд по всему телу. Да еще мокрая одежда покоя не дает.

Коська не вытерпел, подполз поближе и тронул вожатого за рукав.

– Не спишь?

– Нет, – ответил Юра, не поворачивая головы. – Хорошо, что ты приполз, Коська. Я уже хотел звать тебя.

– Зачем?

– Планчик у меня есть один.

– Какой?

– Сейчас узнаешь, – пообещал Юра. – Только сначала скажи мне.

– Что сказать? – перебил Коська.

– Флаг их видишь?

– Вижу, – удивился такому легкому вопросу Коська.

– А еще что видишь? – не унимался Юра.

– Много чего вижу, – растерялся Коська. – Ты скажи, что тебе надо?

- Самое главное!
- Нет, самого главного не вижу, – сознался Коська. – Если бы видел, оно бы сразу на язык просилось. Это надо тебе у Вадика спрашивать.
- «Красные» выставили дозор с одной стороны, – подсказал Юра.
- Правильно сделали. Я бы тоже с одной стороны выставил.
- А почему?
- С тыла скала. Зачем ее охранять? Мы с Вадиком там один раз забирались, я чуть не сорвался. Все ногти пообломал.
- Но так и не забрался, – закончил за Коську Юра.
- Вот еще! – обиделся Коська. – Конечно, забрался!
- Вот видишь! Значит, скалу охранять надо?
- А-а! Теперь я понял самое главное!
- Тихо ты! – потрепал мальчика по волосам Юра. – Растрещался, как сорока. Поползли к ребятам.

Юра недооценил «красных».

У подножия скал разведчики натолкнулись на их скрытый дозор.

Ромка и Антон склонились над муравейником. Они наблюдали, как муравьи расправляются с гусеницей-мохнаткой.

Это Ромка нашел ее на березовом листе. Толстая, темно-коричневая, в мягких густых иголках. Гусеница извивается, сбрасывает мурашей, но тех все больше и больше наползает. А Ромка прутиком ворошит муравейник, вызывает на сражение новых бойцов. Муравьи кусают гусеницу, цепляются за живот, спину, голову, вырывают острыми челюстями пучки волос и, отбросив их, снова устремляются в атаку.

- Вот где настоящая «Зарница»! – смеется Антон.
- Не на жизнь, а на смерть, – добавляет Ромка.
- Она такая зеленая стала, – намекает на противника Антон, – от страха!
- А мураши – это наши! Такие прекрасенькие «красненькие»! – захлебывается от восторга Ромка.
- Смотри, поволокли!
- Давай, тяни! Вон, вон тягач главный! Чур, я за него болею. Он у них за командира!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.